

Соловьева Ирина Геннадьевна

Патрикеева Ольга Николаевна

Рецер Регина Анатольевна

Ларин Андрей Владимирович

ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТА, УПОТРЕБЛЯЮЩИХ СИНТЕТИЧЕСКИЕ НАРКОТИКИ

Аннотация. Исследованиями показано, что первые пробы и развитие зависимости от нового поколения синтетических наркотиков («спайсов», «солей») приходится на подростковый и ранний юношеской возраст. Актуальным является изучение индивидуально-типологических особенностей у лиц юношеского возраста, зависимых от синтетических наркотиков, как возможных психологических факторов, которые определяют преморбидный риск, что важно для понимания этиологии зависимости от ПАВ. Обследовано 57 лиц юношеского возраста, зависимых от синтетических наркотиков, и 55 здоровых юношей, не употребляющих психоактивные вещества (ПАВ). В работе использовался Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ). В ходе исследования были получены данные о том, что в отличие от юношей, не употребляющих ПАВ, у зависимых от синтетических наркотиков имеются разнонаправленные внутриличностные тенденции: сочетание гиперстенических и гипостенических черт, поддерживающих формирование малореалистичной индивидуалистичности. Выдвинута гипотеза о «встроенности» риска употребления и развития зависимости от нового поколения ПАВ в кризис подросткового возраста.

Ключевые слова: юношеский возраст; подростковый возраст; синтетические наркотики; индивидуально-типологические особенности; идентичность.

Соловьева Ирина Геннадьевна – д-р мед. наук, проф. кафедры общей психологии и истории психологии, факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, irraso@mail.ru, Новосибирск, Россия

Патрикеева Ольга Николаевна – канд. мед. наук, зам. главного врача, Новосибирский областной клинический наркологический диспансер, oli74@mail.ru, Новосибирск, Россия

Рецер Регина Анатольевна – педагог-психолог, Центр помощи детям-сиротам, оставшимся без попечения родителей «Созвездие», regina_rezer@mail.ru, Новосибирск, Россия

Ларин Андрей Владимирович – клинический психолог, Новосибирский областной клинический наркологический диспансер, larin.raito@yandex.ru, Новосибирск, Россия

Solovieva Irina Gennadievna – Doctor of Sci. (Med.), Professor of the Department of General Psychology and History of Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, irraso@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Patrikeyeva Olga Nikolaevna – Cand. of Sci. (Med.), Deputy Chief Physician, Novosibirsk Regional Clinical Narcological Dispensary, oli74@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Retser Regina Anatolyevna – Pedagogical Psychologist, Center for helping orphans left without parental care “Constellation”, regina_rezer@mail.ru, Novosibirsk, Russia

Larin Andrey Vladimirovich – Clinical Psychologist, Novosibirsk Regional Clinical Narcological Dispensary, larin.raito@yandex.ru, Novosibirsk, Russia

Solovieva Irina Gennadievna

Patrikeyeva Olga Nikolaevna

Retser Regina Anatolyevna

Larin Andrey Vladimirovich

INDIVIDUAL TYPOLOGICAL FEATURES OF YOUNG MEN USING SYNTHETIC DRUGS

Abstract. Studies have shown that the first attempts and the development of dependence on a new generation of synthetic drugs ("spice", "salt") falls on adolescence and young men. It is relevant to study the individual-typological characteristics of young men who are dependent on synthetic drugs as possible psychological factors that determine the premorbid risk, which is important for understanding the etiology of dependence on psychoactive substances. 57 young men addicted to synthetic drugs and 55 healthy young men who do not use psychoactive substances were examined. We used the Standardized Multifactorial Personality Research Method. Data were obtained that, unlike young men who do not use psychoactive substances, those who are addicted to synthetic drugs have multidirectional intrapersonal tendencies: a combination of hypersthenic and hyposthenic features that support the formation of unrealistic individualism. A hypothesis has been put forward about the "built-in" risk of using and developing dependence on a new generation of psychoactive substances in the crisis of adolescence.

Keywords: adolescence; adolescent crisis; synthetic drugs; individual typological characteristics; identity.

Употребление психоактивных веществ (ПАВ) является серьезной социальной проблемой, так как вызывает не только нарушения физического здоровья, но и связано с противоправными действиями, криминальным поведением, приводит к нарушению межличностных отношений и к психиатрическим проблемам [31; 32].

В последние годы растет частота использования синтетических наркотиков, которые имеют высокий потенциал формирования зависимости.

Многими исследованиями подтверждена связь между личностными характеристиками, риском развития зависимости и неблагоприятными последствиями употребления «традиционных» наркотиков [17; 19; 27]. В отличие от «традиционных» наркотиков, первая проба и формирование зависимости от нового поколения ПАВ в большинстве случаев приходится на подростковый возраст [1; 2; 3; 5; 8; 9; 11; 27; 29; 30]. В связи с большей доступностью и более ранним возрастом начала употребления, мотивация приема, индивидуально-типологические особенности лиц, употребляющих синтетические наркотики, могут различаться с таковыми у лиц, употребляющих «традиционные» наркотики.

С точки зрения большинства исследователей, зависимость от ПАВ – сложное расстройство, имеющее биопсихосоциальные причины [8]. В тоже время, ряд авторов рассматривает зависимость от ПАВ как нарушение развития с относительно поздним началом [22; 33]. В. М. Hicks и др. пишут, что существует определенный «типичный» возраст начала употребления наркотиков и еще до первого употребления можно выявить «преморбидный» риск – психологические особенности, которые предрасполагают к развитию зависимости от ПАВ. В этом контексте мы можем предположить, что употребление нового поколения ПАВ может быть одним из спо-

ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ, ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ

собов «патологического» разрешения кризиса подросткового и раннего юношеского возраста.

В ряде исследований последних лет рассматриваются мотивы и демографические характеристики лиц, зависимых от нового поколения ПАВ, в тоже время, личностные особенности, которые могут быть факторами риска развития зависимости, пока недостаточно изучены [4; 15; 24], в связи с этим, **целью** настоящего исследования является изучение индивидуально-типологических особенностей лиц юношеского возраста, употребляющих синтетические наркотики.

Материал и методы исследования. Обследовано 57 мужчин, зависимых от синтетических наркотиков (ЭГ-1), и 55 мужчин, не употребляющих ПАВ (ЭГ-2). Средний возраст обследуемых – $19 \pm 1,5$ лет. Исследование проводилось на базе ГБУЗ НСО «Новосибирский областной клинический наркологический диспансер». Юноши ЭГ-1 проходили обследование в период воздержания от употребления ПАВ (не менее 6 недель), что было подтверждено диспансерным наблюдением.

Для исследования индивидуально-типологических особенностей использовали Стандартизированный многофакторный метод исследования личности (СМИЛ) – модифицированный вариант опросника ММРІ, в адаптации Л. Н. Собчик и соавторов [6]. Математическую обработку полученных данных проводили с помощью программы STATISTICA 10.0 for Windows (StatSoft, USA). Для сравнения средних величин количественных показателей использовали критерий Манна-Уитни. Для исследования специфики взаимосвязи между изучаемыми показателями использовали корреляционный анализ (критерий rs-Спирмена).

Результаты и их обсуждение. Результаты оценки центральной тенденции с расчетом средних значений по параметрам опросника «Стандартизированный многофакторный метод исследования личности» – СМИЛ (Л. Н. Собчик) представлены на рисунке 1.

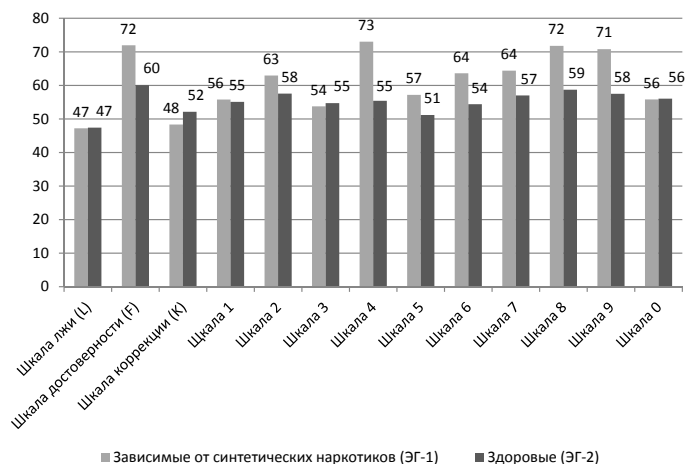

Рис. 1. Оценка центральной тенденции распределения у двух эмпирических групп по результатам методики СМИЛ

Примечание: шкала 1 – невротического сверх контроля; шкала 2 – пессимистичности; шкала 3 – эмоциональной лабильности; шкала 4 – импульсивности; шкала 5 – мужественности-женственности; шкала 6 – ригидности; шкала 7 – тревожности; шкала 8 – индивидуалистичности; шкала 9 – оптимистичности; шкала 0 – социальной интроверсии

Как следует из рисунка 1, в группе лиц юношеского возраста, употребляющих синтетические наркотики (ЭГ-1), обнаружено повышение значений (более 70Т) по шкалам: 4 – «импульсивность», 8 – «индивидуалистичность» и 9 – «оптимистичность», а также «шкале достоверности» (F).

Таким образом, у юношей, употребляющих синтетические наркотики, имеется повышение (более 70Т) шкал «сильного» регистра, выявляющих стенические свойства личности (4 и 9 шкалы). Согласно Л. Н. Собчик, шкала «импульсивности» (шкала 4) отражает зависимость от сиюминутных побуждений и ситуативных внешних факторов, склонность потворствовать своим слабостям, примитивным инфантильным желанием, тенденцию к яркому выражению эмоций, склонность к проявлению протестных реакций, агрессивности, стремление к риску. Повышение по шкале 9 – «оптимистичность» – определяет склонность к легкому, порой необдуманному принятию решений, неразборчивость в контактах, непостоянство привязанностей, что свойственно юношескому возрасту, но в тоже время является проявлением эмоциональной незрелости и инфантилизма. По мнению Л. Н. Собчик, сочетание повышения 4 и 9 шкал часто встречается у примитивно-потребностной незрелой личности с неадекватно высокими амбициями, когда внешние негативные проявления являются способом привлечения внимания окружающих, порой через демонстрацию негативизма и пренебрежения к морально-нравственным нормам [6].

Высокие показатели по шкале «индивидуалистичность» (шкала 8) указывают на выраженную потребность в актуализации собственной индивидуалистичности, отказ от стереотипов, избегание формальных рамок, нонконформизм, поиск новизны. Согласно интерпретации результатов опросника, сочетание шкал «сильного» регистра придают черты независимости и конфликтности показателям 8 шкалы.

У лиц, употребляющих ПАВ, имеется повышение значений шкалы достоверности (F). Л. Н. Собчик пишет о том, что высокое значение F, сопровождающееся повышением профиля по 4, 6, 8 и 9 шкалам, встречается у лиц, склонным к аффективным реакциям, с низкой конформностью. Хотя верхняя граница нормативного диапазона для шкалы F – 80Т. Уровень F более 70Т обычно отражает высокий уровень эмоциональной напряженности или является признаком личностной дезинтеграции [6].

С целью оценки достоверности различий между исследуемыми параметрами на испытуемых ЭГ-1 и ЭГ-2 был применен статистический критерий U – Манна-Уитни, позволяющий сравнить две независимые выборки. Результаты исследования различий параметров между ЭГ-1 и ЭГ-2 представлены в таблице 1.

Таблица 1

Оценка достоверности различий по индивидуально-типологическим особенностям у лиц юношеского возраста, зависимых от синтетических наркотиков, и юношами, не употребляющими ПАВ

Исследуемые признаки	Сумма рангов		U – Манна-Уитни	Уровень значимости
	Наркозависимые ЭГ - 1	Здоровые ЭГ - 2		
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Методика многостороннего исследования личности СМИЛ (в адаптации Л. Н. Собчик)				
Шкала лжи (L)	1035,0	676,0	369,0	0,67
Шкала достоверности (F)	1209,5	501,5	248,5	0,01
Шкала коррекции (K)	956,0	755,0	290,0	0,09

1	2	3	4	5
Шкала 1 – невротического сверх контроля	1050,5	660,5	384,5	0,85
Шкала 2 – пессимистичности	1132,5	578,5	325,5	0,26
Шкала 3 – эмоциональной лабильности	1032,5	678,5	366,5	0,63
Шкала 4 – импульсивности	1347,0	364,0	111,0	0,000005
Шкала 5 – мужественности-женственности	1180,5	530,5	277,5	0,056
Шкала 6 – ригидности	1218,0	493,0	240,0	0,01
Шкала 7 – тревожности	1230,5	480,5	227,5	0,007
Шкала 8 – индивидуалистичности	1263,0	448,0	195,0	0,001
Шкала 9 – оптимистичности	1305,0	406,0	153,0	0,0001
Шкала 0 – социальной интраверсии	1044,0	667,0	378,0	0,78

Как следует из таблицы 1, у зависимых от синтетических ПАВ в сравнении с юношами, не употребляющими наркотики, значимо выше показатели по шкалам опросника СМИЛ: шкала «импульсивность» ($p < 0,00001$), шкала «ригидность» ($p < 0,01$), шкала «индивидуалистичность» ($p < 0,001$) и шкала «оптимистичность» ($p < 0,0001$), отражающие стенический тип реагирования. Причем, если повышение по шкале 6 («ригидность») характерно для акцентуированных лиц (эпилептоидная акцентуация по К. Леонгарду), то сочетание повышения по 4, 6 и 8 шкалам могут быть признаком эксплозивности [6]. Более высокие показатели по шкале «ригидность» у юношей, употребляющих синтетические наркотики, может свидетельствовать о недоверчивости, враждебности, склонности отреагировать гнев вовне, а также о своеволии и непредсказуемости. При этом у наркозависимых юношей достоверно выше, чем у здоровых, показатель по шкале 7 – «тревожность» ($p < 0,01$), относящейся к шкалам «слабого» регистра. Сочетание высоких значений по шкалам, отражающим гиперстенические и гипостенические личностные характеристики, может свидетельствовать о внутриличностной несогласованности, об эмоционально противоречивых паттернах реагирования. Об эмоциональной неустойчивости и личностной дезинтеграции юношей, зависимых от синтетических наркотиков, свидетельствует и значимо более высокие показатели шкалы достоверности (F) ($p < 0,01$) в сравнении со здоровыми испытуемыми.

Для подтверждения указанной гипотезы мы провели корреляционный анализ (критерий rs-Спирмена) между показателями шкал опросника СМИЛ у наркозависимых юношей и юношей, не употребляющих ПАВ. Графическое выражение результатов корреляционного анализа полученных взаимосвязей между шкалами опросника СМИЛ в группе ЭГ – 1 представлено на рисунке 2.

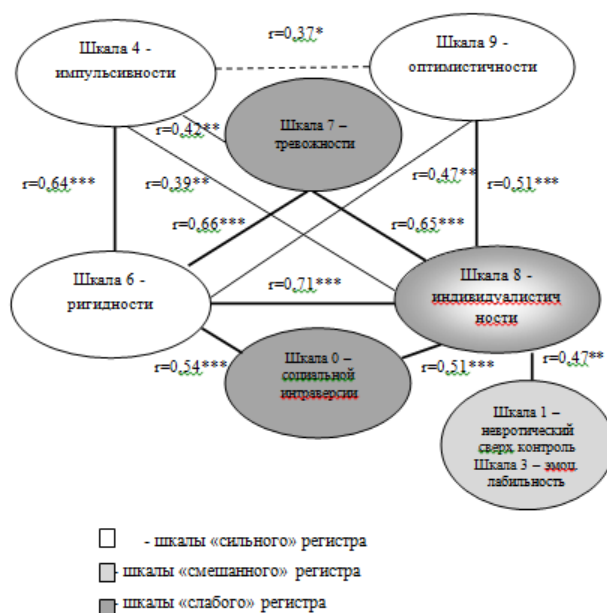

Рис. 2. Характер взаимосвязей шкал опросника СМИЛ у зависимых от синтетических наркотиков (ЭГ-1)

Как видно из рисунка 2, у юношей, употребляющих синтетические наркотики, шкалы «сильного» регистра, отражающие стенические характеристики личности (4, 6 и 9 шкалы) с высокой степенью значимости прямо коррелируют между собой (шкалы «импульсивность» – «ригидность» ($r=0,64$ при $p=0,00002$); «импульсивность» – «оптимистичность» ($r=0,37$ при $p=0,02$); «ригидность» – «оптимистичность» ($r=0,47$ при $p=0,004$)). В тоже время, шкалы «сильного» регистра имеют прямую связь со шкалой «тревожность», отражающей гипостенические черты, которая, согласно Л. Н. Собчик, относится к шкалам «слабого» регистра («тревожность» – «импульсивность» ($r=0,42$ при $p=0,01$); «тревожность» – «ригидность» ($r=0,66$ при $p=0,00001$)), и шкалой «эмоциональная лабильность» ($r=0,43$ при $p=0,008$). Таким образом, высокие показатели по всем «стеническим» шкалам у зависимых от синтетических наркотиков могут быть компенсацией (механизмом психологической защиты) для снятия тревоги, возникающей, в том числе, вследствие неустойчивости эмоций и их конфликтного сочетания, вероятно, как проявления внутри личностной несогласованности.

Повышенные значения шкалы 9 – «оптимистичности» – определяют акцентуацию по гипертимному типу. При этом, сочетание шкал 9 и 4 (при некотором снижении шкалы 2 – «пессимистичность») – вариант подростковой и молодежной нормы. У зависимых от наркотиков юношей показатели по указанным шкалам достоверно выше, чем у здоровых, что может быть проявлением гиперкомпенсаторной реакции псевдоманиакального типа с отрицанием проблем в объективно сложной, угрожающей тяжелыми последствиями ситуации, какой, несомненно, является зависимость от ПАВ [6].

Кроме того, у наркозависимых юношей выявлены значимо более высокие, чем у здоровых, показатели по шкале 8 («индивидуалистичность»), и имеются прямые

ПРОБЛЕМЫ И ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ, ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ

связи между шкалой «индивидуалистичность» и всеми шкалами опросника СМИЛ: 0,1 % уровень значимости со шкалами «сильного» реестра («импульсивность» ($r=0,49$), «ригидность» ($r=0,71$), «оптимистичность» ($r=0,52$)) и, в то же время, со шкалами «слабого» регистра («тревожность» ($r=0,66$), «социальная интроверсия» ($r=0,51$)) и 5 % уровень значимости со шкалой «пессимистичность» ($r=0,38$), а также 1 % уровень значимости со шкалами смешанного реагирования («невротический сверх контроль» ($r=0,47$) и «эмоциональная лабильность» ($r=0,52$)). Высокие показатели по шкале «индивидуалистичность», согласно Л. Н. Собчик, встречаются у личностей, у которых недостаточно сформирована реалистическая платформа, и в таком случае, гипертрофированная «индивидуалистичность=идеалистичность» может выступать как защитный механизм, проявляющийся в трансформации тревоги через интеллектуальную переработку и уход в мир мечты и фантазий [6].

Графическое выражение результатов корреляционного анализа полученных взаимосвязей между шкалами опросника СМИЛ в группе юношей, не употребляющих ПАВ (ЭГ – 2), представлено на рисунке 3.

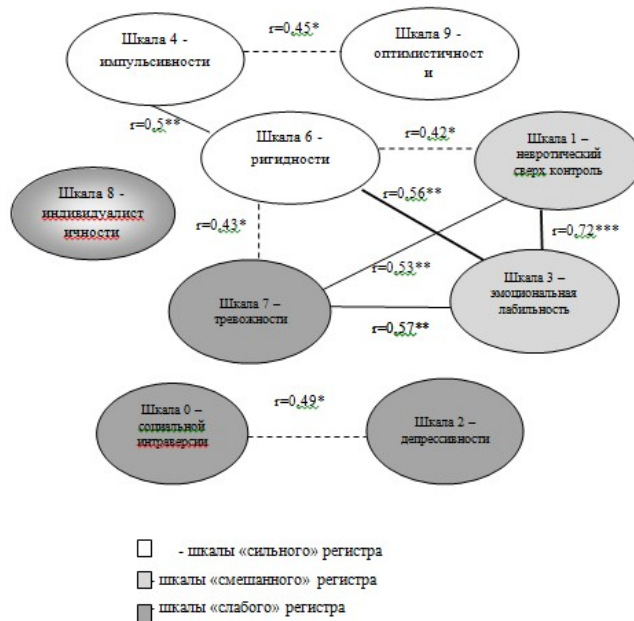

Рис. 3. Характер взаимосвязей шкал опросника СМИЛ у юношей, не употребляющих ПАВ (ЭГ-2)

Как следует из рисунка 3, в группе ЭГ-2 (юноши, не употребляющие ПАВ) шкалы «сильного» регистра не имеют значимых корреляционных связей со шкалами «слабого» регистра.

Сочетание повышения шкал «оптимистичность» и «импульсивность» характерно для юношеского возраста и, с точки зрения Л. Н. Собчик, отражает проблему эмоциональной незрелости [6].

И хоть у здоровых юношей имеется механизм снятия тревоги через проявление ригидности, тем не менее, он не является ведущим (показатели шкал «тревожность» и «ригидность» – в нормативном диапазоне). Кроме того, у юношей, не употребляющих ПАВ, шкалы «тревожность», «эмоциональная лабильность» и «ригидность»

прямо связаны со шкалой «невротического сверх контроля», что указывает на то, что у здоровых имеется паттерн совладания с дискомфортными переживаниями, которые свойственны любому возрасту и более выражены в кризисные возрастные периоды, каким является подростковый и ранний юношеский возраст – возраст формирования зрелой идентичности.

Особенностью ЭГ-2 является и то, что шкала «индивидуалистичность» не имеет значимых корреляционных связей ни со шкалами «сильного» регистра, ни со шкалами «слабого» регистра. Это значит, что потребность в формировании и ощущении собственной индивидуальности, отдельности, непохожести на других, является зрелой/«здоровой» стратегией поиска своей идентичности и не является компенсацией внутренней дефицитарности.

Полученные нами результаты об индивидуально-типологических особенностях лиц, зависимых от синтетических наркотиков, в целом, согласуются с результатами других исследователей.

Многими авторами показано, что лица, употребляющие синтетические ПАВ, имеют высокий уровень тревоги [14; 15; 23; 26]. Среди внутриличностных причин, предрасполагающих к раннему началу употребления и «традиционных», и синтетических наркотиков, описывают сочетание таких факторов, как тревожность, низкая толерантность к стрессу и поиск новых ощущений, склонность к риску [13; 15; 18; 20; 25]. По данным J. Ormel и соавторы, предрасполагающим фактором к развитию зависимости от «традиционных» наркотиков является высокий уровень нейротизма [25]. Невротические личности обычно испытывают высокий уровень тревоги, депрессии, имеют низкий порог активации при действии внешних или внутренних стрессоров и склонны к употреблению ПАВ. K. Cohen и соавторы получили результаты, подтверждающие, что для лиц, употребляющих синтетические каннабиноиды, также характерны проявления высокого нейротизма. Авторы считают высокий уровень эмоционального дисбаланса/нейротизма и экстраверсию факторами риска хронического употребления наркотиков [15].

Хоть нами в настоящем исследовании не выявлен высокий уровень эмоциональной лабильности у юношей, употребляющих синтетические наркотики, тем не менее, выраженность стенических черт в сочетании с высокой тревожностью могут свидетельствовать о связанной с большим эмоциональным внутренним напряжением «гиперкомпенсацией».

D. J. Fridberg и соавторы выявили частую встречаемость шизотипических черт у потребителей разных групп ПАВ. Причем, с частотой шизотипических проявлений у наркозависимых положительно коррелировал высокий уровень нейротизма [19]. Наиболее высокая степень проявления шизотипических черт зарегистрирована у «тяжелых» потребителей каннабиса [16; 17; 19]. Однако D. J. Fridberg и соавторы (2010) пишут о том, что пока неясно, является ли ассоциация между шизотипическими симптомами и хроническим употреблением каннабиса результатом регулярного употребления каннабиса, наследственной предрасположенности или дополнительных факторов [19].

Нами получены данные о высоких показателях по шкале «индивидуалистичность». Как показано, индивидуалистичность у наркозависимых юношей выполняет компенсаторную функцию, так как тесно связана со стремлением компенсировать гипостенические черты и интегрировать «Я» в тандеме с гиперстеническими проявлениями. Таким образом, индивидуалистичность в таком случае является не

путем поиска своей индивидуальности, а может граничить с шизотипическими тенденциями.

Ряд авторов приводят данные о более низком уровне социальной желаемости и ответственности («добросовестности») у потребителей синтетических наркотиков. Имеются данные, что лица, регулярно употребляющие синтетические ПАВ, склонны к антисоциальному поведению, агрессии и враждебности в отношении окружающих, импульсивны и склонны манипулировать [10; 24; 26]. Причем, у зависимых от синтетических наркотиков низкий уровень ответственности часто ассоциируется с импульсивностью, рискованным поведением (включая риск для здоровья). Низкий уровень ответственности повышает вероятность рискованного поведения, связанного с первым приемом наркотика, и в значительной степени определяет течение наркозависимости [28].

В масштабном эпидемиологическом исследовании М. Р. Hengartner и коллеги получили данные о том, что потребление каннабиса связано с более высоким уровнем экстраверсии, открытости в общении и более низкой степенью ответственности [21]. По результатам исследования К. Cohen и коллег, лица, употребляющие синтетические каннабиноиды имеют более низкий уровень экстраверсии (т. е. интроверты), в то время как потребители каннабиса – более высокий уровень экстраверсии (т. е. экстраверты) в сравнении с лицами, не употребляющими наркотики [15]. Bozkurt и соавторы пишут, что потребители синтетических ПАВ (каннабиноидов) предпочитают принимать наркотик в одиночку (а не с компаньоном) и даже тайно [12]. К. М. Gutierrez, Т. V. Соорег приводят данные о том, что потребители синтетических каннабиноидов предпочитают общаться через интернет, социальные сети, а не посредством прямой межличностной коммуникации [20]. Нами не получены данные о высоком уровне интровертированности у обследованных потребителей синтетических наркотиков.

Как было указано выше, пик начала употребления синтетических наркотиков приходится на подростковый возраст. Исследование мотивов употребления наркотиков и личностных особенностей юношей, зависимых от синтетических ПАВ, необходимо рассматривать в контексте особенностей подросткового и раннего юношеского возраста.

Известно, что подростковый возраст – возраст формирования личностной идентичности, когда подросток начинает активно сепарироваться от родителей, увеличивается количество контактов подростка со сверстниками и становится актуальным вопрос «Кто Я?» / «Как меня видят другие?». Если базисные «ощущения себя» заложены в более ранние возрастные периоды, когда подросток рос в атмосфере принятия, то течение подросткового кризиса, поиск себя, принятие себя целостного протекает более благоприятно. В случае, если подросток приходит к этому возрастному периоду с диффузной идентичностью, то сопутствующие кризису физиологическая, психосоциальная перестройка усугубляют непростую интрапсихическую ситуацию. И тогда способ выживания, который «выбирает» подросток (а скорее не выбирает, а у которого идет «на поводу») – это усиление стенических личностных черт, что приводит к еще большему внутреннему напряжению, так как возникает неразрешимый конфликт, поскольку также стеничность как «искусственная сила» не является истинной, а возникает вопреки – как способ подавления, вытеснения собственной беспомощности.

Причинным механизмом диффузной идентичности, которая не разрешается, а только усугубляется в подростковом и юношеском возрасте, как показывают наши исследования и исследования других авторов, является семейная ситуация и про-

блемы, возникающие в социальных институтах (школа), с которыми ребенок был не в состоянии справиться, испытывая уязвимость, одиночество и беспомощность. Так, ряд авторов отмечает, что прием наркотиков может быть способом ухода от травматических переживаний, способом преодоления внутреннего дискомфорта, одиночества, проблем в самореализации и адаптации в социуме [7; 8; 9].

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Лица юношеского возраста, употребляющие синтетические наркотики, различаются с юношами, не употребляющими ПАВ, по индивидуально-типологическим характеристикам.

2. В сравнении с юношами, не употребляющими ПАВ, у зависимых от синтетических наркотиков выражены личностные характеристики, относящиеся к шкалам «сильного» и «слабого» регистра опросника СМИЛ.

Сочетание высоких значений по шкалам, отражающим гиперстенические и гипостенические личностные характеристики, может свидетельствовать о внутриличностной несогласованности, об эмоционально противоречивых паттернах реагирования, личностной дезинтеграции юношей, зависимых от синтетических наркотиков. Кроме того, для обследованной группы юношей свойственна демонстрация собственной индивидуалистичности, независимости, нонконформизма, в основе которой также лежит компенсаторный механизм сохранения малоинтегрированного «Я».

3. У юношей, не употребляющих ПАВ, шкалы «сильного» регистра не имеют значимых корреляционных связей со шкалами «слабого» регистра, шкала «индивидуалистичность» не связана с гиперстеническими и гипостеническими личностными характеристиками, что характерно для интегрированной идентичности.

Понимание специфики взаимосвязи индивидуально-типологических характеристик у юношей с зависимостью от нового поколения ПАВ необходимо для выявления причинных факторов и механизмов развития зависимого поведения от синтетических наркотиков. На основании полученных результатов, мы можем предположить, что особенностью развития зависимости от нового поколения ПАВ является ее «встроенность» в кризис подросткового возраста, в связи с чем первые пробы и рост зависимости от синтетических наркотиков получили столь выраженное распространение.

Список литературы

1. Алексеева Д. Н., Дюкова Е. Е., Пальчиков М. А. [и др.] Распространенность употребления Спайса и других синтетических каннабиноидов в молодежной среде // Прикладные информационные аспекты медицины. 2014. Т. 17. № 1. С. 3–7.
2. Бохан. Н. А., Кривулина О. Е., Кривулин Е. Н. Клинико-динамические особенности зависимости от синтетических каннабиноидов у подростков // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2014. № 1. С. 36–39.
3. Головки А. И., Башарин В. А., Иванов М. Б. [и др.] Дизайнерские наркотики. Классификации, механизмы токсичности // Наркология. 2015. № 8. С. 69–86.
4. Илюк Р. Д., Ильюшкина Е. В., Святенко В. С. [и др.] Сравнительное исследование социально-психологических, поведенческих и клинических характеристик опиоидзависимых с ВИЧ-позитивным и ВИЧ-негативным статусами // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2016. № 4. С. 25–41.
5. Киржанова В. В., Григорова Н. Н. Ретроспективный эпидемиологический анализ первичной заболеваемости наркологическими расстройствами у детей, подростков и молодежи в Российской Федерации // Вопросы наркологии. 2019. № 12 (183). С. 5–33.

6. *Собчик Л. Н.* СМЛ. Стандартизованный многофакторный метод исследования личности. СПб.: Речь, 2003. 219 с.
7. *Соловьева И. Г., Гиркин С. В., Лысенко С. С.* [и др.] Особенности структуры родительской семьи у лиц с химической аддикцией [Электронный ресурс] // Клиническая психология в России. 2016. № 3. URL: http://mprj.ru/archiv_global/2016_3_38/pomer03.php (дата обращения: 10.01.2021).
8. *Соловьева И. Г., Патрикеева О. Н., Губина М. А.* [и др.] Биопсихосоциальные предпосылки развития наркотической зависимости в подростковом возрасте // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1. С. 249–254.
9. *Соловьева И. Г., Патрикеева О. Н., Губина М. А.* [и др.] Сравнительный анализ молекулярно-генетических, когнитивных и аффективных характеристик у лиц, употребляющих разные виды синтетических наркотиков // Наркология. 2020. Т. 19. № 9. С. 52–60.
10. *Bassir Nia A., Medrano B., Perkel C.* [etc.] Psychiatric comorbidity associated with synthetic cannabinoid use compared to cannabis // Journal of Psychopharmacology. 2016. Vol. 30 (12). P. 1321–1330.
11. *Besli G. E., Ikiz M. A., Yildirim S.* [etc.] Synthetic cannabinoid abuse in adolescents: a case series // Journal of Emergency Medicine. 2015. Vol. 49 (5). P. 644–650.
12. *Bozkurt M., Umut G., Evren C.* [etc.] Clinical characteristics and laboratory test results of patients admitted to outpatient clinic for synthetic cannabinoid usage // Dusunen Adam. 2014. Vol. 27 (4). P. 328.
13. *Caviness C. M., Tzilos G., Anderson B. J.* [etc.] Synthetic cannabinoids: use and predictors in a community sample of young adults // Substance Abuse. 2015. Vol. 36 (3). P. 368–373.
14. *Cohen K., Kapitány-Fövényi M., Mama Y.* [etc.] The effects of synthetic cannabinoids on executive function // Psychopharmacology. 2017. Vol. 234 (7). P. 1121–1134.
15. *Cohen K., Rosenzweig S., Rosca P.* [etc.] Personality Traits and Psychotic Proneness Among Chronic Synthetic Cannabinoid Users // Front Psychiatry. 2020. Vol. 15, No 11. P. 355.
16. *Compton M. T., Goulding S. M., Walker E. F.* Cannabis use, first-episode psychosis, and schizotypy: a summary and synthesis of recent literature // Current Psychiatry Reviews. 2007. Vol. 3 (3). P. 161–171.
17. *Davis G. P., Compton M. T., Wang S.* [etc.] Association between cannabis use, psychosis, and schizotypal personality disorder: findings from the National Epidemiologic Survey on Alcohol and Related Conditions // Schizophrenia Research. 2013. Vol. 151 (1–3). P. 197–202.
18. *DordiNejad F. G., Shiran M.A.G.* Personality traits and drug usage among addicts // Literacy Information and Computer Education Journal. 2011. Vol. 2 (2). P. 402–405.
19. *Fridberg D. J., Vollmer J. M., O'Donnell B. F.* [etc.] Cannabis users differ from non-users on measures of personality and schizotypy // Psychiatry Research. 2011. Vol. 186 (1). P. 46–52.
20. *Gutierrez K. M., Cooper T. V.* The use of social networking sites: A risk factor for using alcohol, marijuana, and synthetic cannabinoids? // Drug and Alcohol Dependence. 2016. Vol. 163. P. 247–250.
21. *Hengartner M. P., Kawohl W., Haker H.* [etc.] Big Five personality traits may inform public health policy and preventive medicine: Evidence from a cross-sectional and a prospective longitudinal epidemiologic study in a Swiss community // Journal of Psychosomatic Research. 2016. Vol. 84. P. 44–51.
22. *Hicks B. M., Iacono W. G., McGue M.* Identifying childhood characteristics that underlie premorbid risk for substance use disorders: socialization and boldness // Development and Psychopathology. 2014. Vol. 26 (1). P. 141–157.
23. *Livny A., Cohen K., Tik N.* [etc.] The effects of synthetic cannabinoids (SCs) on brain structure and function // European Neuropsychopharmacology. 2018. Vol. 28 (9). P. 1047–1057.

24. *Mensen V. T., Vreeker A., Nordgren J.* [etc.] Psychopathological symptoms associated with synthetic cannabinoid use: a comparison with natural cannabis // *Psychopharmacology*. 2019. Vol. 236. P. 1–9.

25. *Ormel J., Bastiaansen A., Riese H.* [etc.] The biological and psychological basis of neuroticism: current status and future directions // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2013. Vol. 37 (1). P. 59–72.

26. *Shalit N., Barzilay R., Shoval G.* [etc.] Characteristics of Synthetic Cannabinoid and Cannabis Users Admitted to a Psychiatric Hospital: A Comparative Study // *Journal of Clinical Psychiatry*. 2016. Vol. 77 (8). P. 989–995.

27. *Soussan C., Kjellgren A.* The users of Novel Psychoactive Substances: Online survey about their characteristics, attitudes and motivations // *The International Journal of Drug Policy*. 2016. Vol. 32. P. 77–84.

28. *Trobst K. K., Wiggins J. S., Costa P. T.* [etc.] III Personality psychology and problem behaviors: HIV risk and the five-factor model // *Journal of Personalized Medicine*. 2000. Vol. 68 (6). P. 1233–1252.

29. *Vandrey R., Johnson M. W., Johnson P. S.* [etc.] Novel Drugs of Abuse: A Snapshot of an Evolving Marketplace // *Adolescent Psychiatry*. 2013. Vol. 3 (2). P. 123–134.

30. *Weinstein A. M., Rosca P., Fattore L.* [etc.] Synthetic Cathinone and Cannabinoid Designer Drugs Pose a Major Risk for Public Health // *Front Psychiatry*. 2017. Vol. 23, No 8. P. 156.

31. World Health Organization. WHO report on the global tobacco epidemic, 2008: The MPOWER package. Author; Geneva: 2008.

32. World Health Organization. Global status report on alcohol and health. Author; Geneva: 2011.

33. *Zucker R. A.* Alcohol use and the alcohol use disorders: A developmental-biopsychosocial systems formulation covering the life course // *Developmental Psychopathology*. Vol. 3. Risk, Disorder, and Adaption. Wiley. New York: 2006. P. 620–656.

